

ГЕННАДИЙ ШПАЛИКОВ

ИЗ ДНЕВНИКОВ.

ДНЕВНИК 1955–1956

Это не дневник. Мне хватает вполне стихов.

Это запись, ежедневный отбор, всего наиболее красивого, точного, своеобразного в жизни, в людях. Значение таких записей трудно переоценить.

41

2 АПРЕЛЯ 1955

Утром снег, вернее — иней лежал на крышах, как белая накипь соли. Сравнение еще более усиливается еще и потому, что в марте иней, да и вообще всякий иней — рассыпчатый, каждая крупинка отдельно.

Утром чисто: подморозило. Комья земли, раньше вязкие и жирные, теперь напоминают в миниатюре горные хребты. Так, примерно, горы выглядят с самолета.

Теперь о людях. Вот Иванов сказал физику: “Товарищ майор, я не спал на уроке, это я от удовольствия зажмурился”. Макаров на разговоры реагирует: “Не люблю конкуренции”. Во дворце культуры на вечере молодежи повесили плакат: “За потерю настроения администрация не отвечает”. Интересно объявляли танцы: “Быстрый танец” — пауза, все ждут, — фокстрот, а дальше слышат — молдаванка. О фокстроте: “Сейчас будет танец для не

умеющих, но стремящихся научиться танцевать”.

О Москве. Немного. Сразу же столица — и провинция, крупнейший город — и лачуги, вроде Тишинского рынка, город культуры — и страшного бескультурья, нахальства. В Москве, наверное, $\frac{1}{4}$ жителей — приезжие. Этим, отчасти, объясняется грязь в метро, толкучки в кинотеатрах и особенно — магазинах. Магазины — слабое место. Открывают их, кажется, в 8 или в 9 утра, точно не помню. И вот с этого времени они даже не подметаются. Такое дело весной, в грязь — недопустимо. То есть недопустимо вообще; у нас все допускают. Если взять самую характерную черту Москвы — темп, скорость жизни, движение людей, машин. Только за эту быстроту окружающего я люблю Москву. В этом отношении — Москва первый город. В остальном — ничего выдающегося нет. Было метро — загадили. Была Красная Площадь — сделали там большой рынок, этак в масштабе Союза — ГУМ. Вывод — раньше, года 3—4 назад, мне Москва нравилась больше. Частично отвык, кое-что забыл, а многое, по малолетству, тогда не понимал. Сейчас же готов ревновать Москву к каждому приезжему — родной город.

3 АПРЕЛЯ

Воскресение. Самый скучный и длинный день недели, и не только для меня: по городу с 12 до 9 вечера бесцельно шатаются сотни людей.

Валерка приехал в училище грустный — за него девочка взяла билет в трамвае. По сей причине он был готов выскочить на полном ходу. Конечно, страшно плохо, когда в кармане ни копейки. В этом отношении я прекрасно понимаю его.

<...>

4 АПРЕЛЯ

Если бы предложили назвать характернейшую картину жизни в СРУ за восемь лет, то я представляю себе сплошную ленту, по которой год за годом движется батальон суворовцев. Безучастные лица, злые глаза. Со временем меняются привычки, вкусы,

ребята взрослеют, но глаза остаются все теми же — злыми, недоверчивыми.

Валяемся днем на диване. Толька с гитарой. Шмаса бросает: “Сыграй что-нибудь буржуазное”.

5 АПРЕЛЯ

Вот случай. Семья. Молодые. Ей — 19, ему — что-то вроде этого. Ребенок. Он неожиданно вешается. Причины до сих пор не установлены. А “убитая горем жена” через пять дней беззаботно танцует на вечеринке. Верь после этого женщинам.

Другое. Знаете, почему человек ищет почти всегда отдаленности от массы людей, толпы, шумных аллей в парках или старается поселиться обязательно в отдельной квартире? Да потому что у каждого есть свое, личное, без которого трудно вообще жить. Личное может не выходить за пределы одного человека, вернее — самого себя; чаще — за круг семьи, родственников. Это нужно. Это не обывательщина. Без личного — нет семьи, а в целом семья — счастье. Есть, конечно, обратное значение семейной жизни... ну, о нем не будем.

Вывод — лишать человека личного, а главное — личной жизни, — в меньшей мере — преступление.

Люди живут для людей, и сразу же — для себя.

Плюну в лицо тому, кто скажет иное.

6 АПРЕЛЯ

“Казанское хамство”. — Неплохо звучит, да?

Утро. В спальню входит дежурный офицер. Ковчан. К дневальному:

— Доброе утро, Славик, ну, как себя чувствуешь?

— Ничего...

— Умница, Славочка! Дежурный по училищу не приходил?

— Нет...

— Ну, чудесно. Славик, заправь мне кровать, будь ласков.

Комментарии излишни.

ГЕННАДИЙ ШПАЛИКОВ

РАБОТЫ ДЛЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОНКУРСА ВО ВГИК

ПОЧЕМУ Я ИДУ В КИНО

45

У кино есть качества, которые не могут оставить равнодушным любого мало-мальски пишущего:

- 1) массовость;
- 2) доходчивость почти абсолютная (чем лучше фильм — тем понятнее он);
- 3) совершенно особая сила воздействия на зрителя.

Из всех видов изобразительных, если можно так сказать, искусств кино — наименее всего условно, при всей условности своего производства. Кино, настоящее кино — трудно отличить от жизни, ему веришь, как верят жизни.

В кино можно показать решительно все. Рамки кино не ограничиваются шириной театральной сцены, где лес — фанера, горы — холст, море — световая полоса. На экране все это легко достижимо. В театре в пьесе действие очень часто подменяется разговором о нем. Где-то там, в стороне что-то происходит веселое или страшное, актер рассказывает об этом текстом пьесы, и мы верим ему на слово. Талантливы пьеса и актер — верим легко.

Меня очень привлекают эти стороны:

1) Жизненность кино, отсутствие театральщины в лучших фильмах.

2) Журнал или книгу не всегда и не все могут прочесть, понять — тем более, и не просто понять, а правильно, точно, как нужно.

3) Кино — самый сильный пропагандист и агитатор многомиллионной аудитории. Куда еще идут каждый вечер? — в кино.

Мне хочется, чтобы каждый вечер перед экраном делал людей пусть немного лучше, заставлял задумываться о себе, о своей жизни, о пользе своей. Люди могут и забыть за массой будничных мелочей ответственность звания советского человека.

Вот такие фильмы, как “Брестская крепость”, напоминают людям с необыкновенной силой, какими невероятными трудностями далась наша сегодняшняя жизнь.

Мне хочется, чтобы люди, устав за день, вечером возвращались из кино веселыми и бодрыми как из душа, и я очень хочу написать комедию,

КАЧЕСТВА КИНО:

- 1) жизненность
- 2) массовость
- 3) доходчивость
- 4) сила воздействия
- 5) красочность
- 6) неограниченные художественные возможности
- а) объемность
- б) широкий экран
- в) [трюковое] кино

О МУЗЫКЕ

Первой музыкой, которую я слышал непосредственно в жизни, были марши, чаще всего в неважном исполнении духового

оркестра нашего училища. Тогда мне едва исполнилось десять лет, и под эти марши нас готовили к параду, водили на прогулку, строили вечерами для общей проверки. Так шло девять лет. Мы росли, а марши оставались старыми, и в них, уже по привычке, улавливалась не мелодия, а — удар барабана, под который ставилась моя нога. Я и сейчас, когда слышу марши — невольно жду команды — “прямо” или крика — “выше ногу!”. Я не люблю марши. Возможно, в этом виноват наш плохой оркестр...

Первыми своими музыкальными понятиями я обязан целиком радио и кино. Так сложилась жизнь. В театры нас водили, хотя и редко. Водили всегда и в основном — отличников, а в них я никогда не числился, возможно, по этой причине в сильных киевских театрах я почти не был. Почти, потому что раза два ходил за собственные деньги. Мне понравилось, но удовольствие оказалось слишком дорогим, и с театрами было покончено. Откуда у суворовца могут быть деньги?..

И откровенно — у меня в 14–15 лет были совсем другие интересы, нежели музыка вообще. Нравилась песни (нестроевые), отдельные куски из опер (вряд ли тогда я знал, что это — именно из оперы).

Все крупнейшие оперные и симфонические произведения я, повторяю, слышал по радио и в кино. Другого источника познаний не было. К симфониям питал заведомый страх; мне казалось, что столь серьезные вещи трудно — и просто невозможно всегда отождествлялась со скукой, а скуку я, как и все здоровые и деятельные ребята, не мог терпеть. В числе нелюбимых предметов музыки была скрипка. Виною тому пусть послужит наш преподаватель пения, который своим визжанием несмазанного тележного колеса, внушил к скрипке отвращение. Много позже, когда я впервые услышал и увидел, потому что это было, кажется, в кино, исполнение “Венгерского танца” скрипичным оркестром, я был восхищен.

Мне нравились своими яркими мелодиями отрывки из опер Глинки, Бородина, “Лебединого озера” Чайковского — то есть те вещи, которые на языке радио называются “популярной русской музыкой”. После восьмого класса (не помню точно, где учиться “Евгений Онегин”) мы ходили и распевали “Куда, куда” — потому

что знали текст.

Очень нравились вальсы. Всякие — Штрауса, Легара, Дунаевского. Я люблю слушать вальсы один или танцевать, но в толпе — плохо — теряется лиричность, которая всегда приходит с мелодиями вальса. И одиночеством.

С шестнадцати лет (может — раньше) любил оперетту. Помниться, знал наизусть (буквальный смысл) все лучшие куски из “Фиалки Монмартра”, “Вольного ветра”, не говоря уже о популярнейшей “Сильве”. Нравилась, в основном, мелодия. На текст, на те слова, к которым привязаны эти чудные мелодии, внимание не обращалось. Позже открылась совсем другая сторона оперетты — ее пустейшее содержание. В том, что это я узнал довольно поздно, есть одна причина — я ни одной оперетты долгое время не видел целиком, а слышал только арии, увертюры, дуэты, — все самое лучшее и блестящее, как раз то, что наиболее часто передают по радио. Первой опереттой, которую я увидел целиком, была “Фиалка Монмартра” на... украинском языке. Это обстоятельство, возможно, помогло мне запомнить только массу пестрых платьев и костюмов на сцене, разнообразнейшие декорации и освещение всех оттенков и — громкую (зал был небольшой), просто оглушительную музыку. Содержание не улавливалось. Остальные виденные мною оперетты я узнал из телевизора. Что в них поражает? Убожество драматургического построения, явная ерунда опереточных “драм”, надуманность интриги и, особенно, шаблонное благополучие в конце. Даже в такой сильной оперетте (комическая еще) как “Перикола” Оффенбаха при всей необычной для оперетты серьезности и жизненности — конец опять-таки благополучен, пусть со страшной натяжкой, но все улаживается и все довольны.

ГЕННАДИЙ ШПАЛИКОВ

МАТЕРИАЛЫ К ГАЗЕТЕ “ВГИКОВЕЦ”

ЗВЕЗДЫ НА ВЫЕЗДЕ

(РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА)

49

Конечно, они приехали не сразу.

Когда всем надоело слоняться по коридорам и, зевая, разглядывать живописную мазню на стенах клуба МВД, пронесся слух:

— Артисты!

Девочки, еще недавно скромные и чинные, как первоклассницы, с визгом ринулись в зал. Жалобно затрещали двери.

Нетерпеливо гудел битком набитый зал.

Но мастера экрана не торопились.

Наконец малиновый занавес дернулся и поплыл через сцену.

Первым вышел темноволосый молодой человек с черкесским лицом.

Все начали лихорадочно вспоминать, где же он снимался. Человек улыбнулся и весело сказал:

— А я не артист. Я режиссер.

— Нет, вообще-то я снимался. В армянских фильмах. К счастью, вы их никогда не увидите.

После такого начала он заранее извинился, что ничего ярко-

го они нам не покажут, и если мы ждем чего-то, то это мы зря.

Он еще минуты три проторчал на сцене, занимая зал легкой болтовней, а потом решительно объявил:

— Светлана Дружинина.

Ее узнали.

Такая милая, светловолосая девушка, щурясь, стояла под прожектором.

— Я... очень смущена, — сказала Светлана Дружинина.

А после этого она довольно бойко изложила свой жизненный путь. Все несчастья и провалы, которые на нем встречались, привели в конце концов эту милую девушку во ВГИК.

Когда она уходила, ей даже хлопали.

Далее все развернулось в том же автобиографическом плане. Выходили люди и, сбиваясь, рассказывали о себе.

Воронин (к залу): — Меня вы, конечно, помните?

Зал (дружно): — Нет!

Воронин: — Это потому, что я без усов.

Недоуменный смех в зале.

Воронин (шутливо): — Это я их сбрил, когда шел к вам. (Он старательно смеется.) Моложе хотелось быть.

На этом веселая часть кончилась. И посыпались факты, фамилии.

Ему хлопали. Но меньше.

[ИНТЕРВЬЮ С ГРИГОРИЕМ ЧУХРАЕМ]

“Чухрай живет на Мосфильмовском переулке. Вы его сразу найдете”, — обнадеживал Шерстобитов.

Мы долго бродили между какими-то бараками по талым лужам.

Темнело.

Незнакомая тетя утешила нас, что рано или поздно мы найдем этот переулок, потому что на Потылихе их всего три. Три переулка с таким названием. Проклиная Шерстобитова, минут сорок еще мы ловим прохожих, спрашиваем что-то, пока, на-

конец, две обыкновенные, маленькие девочки очень просто и толково [не] объяснили, где этот дом.

Мы стоим перед дверью, сверяясь последний раз с бумажкой. Все правильно. Двадцать девятая квартира.

Галя Копалина решительно нажимает звонок.

Ждем.

Высовывается мальчишеская голова.

— Вам кого?

— Чухрая.

— А его нет, — равнодушно ответил мальчишка.

— Как?!

— Так. Ушел.

Все пропало. Ходили, искали, нашли — и вот, пожалуйста.

Мы сели на ступеньки лестницы и начали сочинять грустную записку. Там раз пять повторялось слово “жаль”. Мальчишка стоял в дверях и терпеливо ждал.

Вдруг мягко протарахтел лифт, и из кабины вышел совсем молодой человек студенческого вида.

Он посмотрел на наши жалкие лица и улыбнулся.

— Скажите, вы — не Чухрай?

— Чухрай.

— В самом деле?

— Конечно!

А через минуту мы сидим в небольшой комнате Григория Чухрая и уже без всякого страха разглядываем создателя “Сорок первого”.

У него хорошее, открытое лицо, веселые глаза. В руках вертит маленький пистолет.

— Не бойтесь, это ненастоящий. Это — сына.

С Чухраем очень просто. Он как-то по особенному наш, не взрослый и серьезный “мастер экрана”, а свой, понятный человек.

Чухрай спрашивает, как приняли “Сорок первый” вгиковцы.

— Я тогда лежал в больнице на операции. Там кромсали меня, а у вас — мой фильм, — шутит он.

ВГИК...

— Это не просто институт, который я кончил пять лет назад ...